

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ОНОМАСИОЛОГИЯ: В ПОИСКАХ МЕТОДА

Т. Е. Карлова

Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького

Реферат. Целью статьи является поиск решений проблемы метода диахронической ономазиологии. Предполагается решение таких задач: изучение работ диахронно-ономазиологической направленности, выявление сходных черт в методологии таких исследований, установление возможных перспектив ономазиологических студий в диахронии.

Диахронический подход к изучению языковых средств вербализации концептов требует не только сравнения ономазиологических классов нескольких языковых состояний и выявления качественных и количественных изменений их состава, но предполагает проникновение в этимологию значений, анализ мотивации появления новых номинативов либо семантической трансформации уже имеющихся для конструирования моделей концептуализации действительности, лежащих в основе динамики номинативных единиц.

Ключевые слова: ономазиология, диахрония, концепт, семантическая деривация.

Диахроническая ономазиология, основываясь на разработках классического языкознания и используя наработки новых лингвистических течений (лингвокогнитологии, концептологии), все еще остается наукой новой, находящейся в перманентном поиске оптимальных методов исследования «не мира воплощенного в языке, не языка, отражающего мир, а мира, сотворенного языком, человека, сотворенного языком» [1, с. 82]. Многие ученые, как западные [2, 3, 4], так и отечественные [5, с. 3; 6, с. 7; 7, с. 7], обращают внимание на то, что в ходе стремительного развития когнитивной лингвистики и концептологии, которые занимаются анализом синхронного состояния языка, лингвисты закономерно стали обращаться к истории языка, пытаясь не столько описать ее, как это делается в работах, например, представителей сравнительно-исторического языкознания, сколько найти объяснение многим фактам синхронии. Конечно, на данном этапе говорить о наличии четко очерченной методологии проведения таких исследований рано, и проблема метода все еще остается весьма **актуальной**. Собственно говоря, поэтому исследования, посвященные указанной проблематике, всегда настолько индивидуальны и не похожи друг на друга, что порой трудно их соотнести, сравнить и ассоциировать с одним направлением.

Целью статьи является поиск возможных решений проблемы метода диахронической ономазиологии.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- изучение работ диахронно-ономазиологической направленности;
- выявление сходных черт в методологии таких исследований;
- установление возможных перспектив диахронических ономазиологических исследований.

Объектом данной работы являются ономазиологические классы номинативов разных языков. **Предметом** совокупность приемов их диахронического исследования.

В работе использовались сравнительный, аналитический и описательный **методы**.

Научная новизна и **теоретическая ценность** статьи заключаются в попытке определения моделей проведения ономазиологических исследований в диахронии.

Ономасиология занимается изучением того, как определенное значение через призму человеческого мышления воплощается в языковых средствах. Организующим началом при этом выступает концепт как инвариантное воплощение совокупности номинативных в языке и их глосс в речи. Стремление лингвокогнитологии к пониманию и объяснению языковых явлений в их неразрывной взаимосвязи с мышлением неизбежно ведет к осознанию необходимости поиска методов исследования динамики развития концептуальных, а вместе с ними и лексических систем. В лингвистических работах последних десятилетий четко прослеживается понимание языковой синхронии как динамической системы далекой от состояния покоя. Как отмечает Н. В. Коч, динамика является реальным существованием не только языковых, но и ментальных единиц – концептов. «Анализ диахронических репрезентаций концептов позволяет установить системные связи в диахронии, что является, с нашей точки зрения, основополагающим, исходным методологическим приемом в исследовании концептуальной картины мира и ее элементарных единиц» [8, с. 317]. Соответственно напрашивается вывод о необходимости синтеза диахронического и синхронического анализа в ходе когнитивного изучения номинативных языковых средств. «Когнитивная система мышления, представляющая собой более сложную, но по характеру похожую систему (развивающуюся и открытую) может быть описана с помощью концептообразующей лексики в единстве истории и современности» [8, с. 319]. Об особенностях такого синтеза пишет и Л. П. Дронова, указывая что «приоритет начинают отдавать диахроническому фактору: механизмам языковых изменений, вариативности, подчиняющейся определенным регулярным тенденциям, – эти причинно обусловленные движущие силы объясняют многие явления, происходящие на синхронном уровне». Естественно никто при этом не оспаривает требования не смешивать факты синхронии и диахронии, но это правило несколько уточняется – «не смешивать в анализе, а сопоставлять результаты этих взаимодополняющих подходов к языку» [9, с. 116]. По мнению Н. В. Ивашиной и Е. Руденко, «диахроническая когнитивная ономасиология устанавливает соответствие между этапами речемыслительного процесса номинации и временной последовательностью материально зафиксированных фактов истории языка» [10, с. 116]. Правда, в их работе не поясняется, что понимается под этим соответствием. Но все же очевидно, что имеется в виду тот самый синтез диахронии и синхронии, о котором шла речь выше.

Можно говорить об определенной единогласии ученых в вопросе использования возможностей диахронического анализа при синхроническом изучении концептов: «Как семный анализ, так и историко-лексикологический с этимологическим анализом могут и должны (как проверенные методы языкового анализа) выступать в качестве отправной точки (первого этапа) для концептуального анализа» [11, с. 26]. Но проблема использования методов сравнительно-исторического языкознания, их комбинирования и разработки особой методологии диахронического концептуального анализа все еще остается дискуссионной.

Анализ ряда работ позволил сформировать определенное представление об основных приемах, используемых лингвистами в диахроническом исследовании концептов. Так, нами было выделено три основные доминанты: исследования концептов в древних и современных языках и сравнительный анализ способов вербализации концептов и моделей концептуализации [12; 13; 14; 15; 16]; изучение этимологии концептообразующих номинативных (в этом случае речь идет не о фонетической/корневой, а о семантической этимологии) и моделей развития значения [2; 17; 18]; проведение комплексного исследования с привлечением данных частотного анализа и прагматики, целью которого ставится определение различных факторов, влияющих на ономасиологический выбор языковых средств [4; 19; 20].

Хорошим примером работ первого направления, на наш взгляд, являются статьи Н. В. Ивашиной в соавторстве с Е. Руденко. Они акцентируют внимание на том, что для проведения комплексного когнитивного ономаσιологического исследования в диахронии необходимо не только установить связь между концептом-целью и концептом-источником, но и совместить семантическую типологию новых номинаций с типологией средств и способов создания плана выражения новой номинации. Используя материал современных и древних языков, они выявляют пути появления новых средств выражения (морфемная и семантическая деривация, конверсия, заимствования, образование несвободных словосочетаний и т. д.) и, устанавливая связь концепта-источника и цели, находят базовые значения, которые выступают моделями концептуализации, основанными на действии ассоциативного механизма [10; 16].

Среди исследований второго направления, внимания заслуживает работа А. Бланка и П. Коха, которые тоже рассматривают такие типы лексических изменений, как заимствование, новообразования, семантические изменения, фразеологизация или сохранение исконного слова. Однако в ходе практического анализа основное внимание уделяется исследованию этимологии номинатом и способам обретения словом нового значения (метафоризация, метонимизация), которые другими лингвистами трактуются через термин «семантическая деривация» [2].

Отметим, что изучение данных работ поставили перед нами проблему трактовки термина «модели концептуализации». Для сравнения возьмем два примера из вышеуказанных работ.

А. Бланк и П. Кох устанавливают, что в основе формирования концепта НОС во французском языке лежит процесс сохранения латинского слова *nasus* – фр. *nez*, а в испанском – метонимизация от латинского *narines* «ноздри» – исп. *nariz* «нос». Рассматривая процессы сохранения, метафоризации и метонимизации, они называют их типами либо стратегиями концептуализации [2, с. 56, 62, 64]. В тоже время Ивашина и Руденко, изучая глаголы, используют термин «модели или схемы», основывая их на элементарных единицах значений, характерных для ряда глагольных номинатом. Например, значение «учить» реализуется по таким моделям: «сделать яснее», «дать возможность лучше увидеть», «лучше проникнуть», «говорить», «показать путь». Но эти же модели, поданные в таблицах, уже называются «пути мотивации». О процессах метафоризации и метонимизации говорится вскользь и не определяется их роль в концептуализации [16, с. 65]. В другой своей работе ученые предлагают иные модели. «В номинации суток в славянских языках преобладает метонимия, причем присутствуют три модели. Одна <...> основана на отношениях «целое – часть» со светлым временем суток; вторая – на концептуальной и синтагматической смежности темного и светлого периодов, образующих сутки; третья – на синекдохических отношениях со смежными понятиями «граница дня и ночи» или «период времени» [10, с. 124]. Не преуменьшая значения данных работ, попытаемся несколько упорядочить представленное разнообразие терминов.

Мы предлагаем под «моделями» понимать семантические пропозиции, базовые для целого ряда номинатом. Все-таки в рамках ономаσιологического подхода модель должна иметь более конкретный, практически схематичный вид. А ассоциативные отношения, лежащие в основе семантических трансформаций, которые воплощаются в процессах метонимизации и метафоризации, все же должны оставаться языковыми средствами для концептуализации действительности. Например, для предикатов «мышления» одной из характерных моделей концептуализации выступает модель основанная на метафоре «видеть глазами – видеть в уме», реализованная в предикатах рус. *предвидеть*, давн.-рус. *проувидѣти*, фр. *prévoir*, лат. *praevidere*; рус. *видеть в воображении*, др.-рус. *соглядати*, фр. *voir*, лат. *animo videre*.

В работах третьего направления обосновываются возможности использования приемов исследования, разработанных в рамках других направлений. Например, Д. Гирертс утверждает, что в рамках ономазиологии, в том числе и диахронической, должны изучаться не только качественные, но и количественные показатели (частотность). Также он отмечает, что «ономазиологические изменения не могут быть поняты без учета прагматических аспектов, т. к. изменения всегда связаны с ономазиологическим выбором на уровне речи» [4, с. 9]. Как отмечает С. А. Жаботинская, «вслед за вопросом *Какая форма или формы обозначают данный концепт?* ставится вопрос *Как, каким образом происходит обозначение?* Или, по-иному, *Почему данный концепт обозначается именно такими формами?* Отсюда, центр внимания сдвигается на **мотивацию** – отношение между концептом, или значением языковой формы, и фрагментом этого значения, запечатленном в «теле знака» [21, с. 116]. И исследование Д. Гирертса является тому подтверждением, будучи больше сконцентрированным на поиске причин ономазиологических изменений, изучении способов и причин появления новых концептов, а не эволюции самих номинативов и ономазиологических классов (ОК) как вербализаторов концептов, что в принципе характерно для понимания ономазиологии как науки о первичной номинации.

На наш взгляд, во всех вышеуказанных работах есть приемы и подходы, которые должны быть органически объединены в рамках одного исследования. Так, например, сравнительный концептуальный анализ на разных языковых срезах, как нам кажется, является оптимальным для проведения диахронического ономазиологического анализа. Однако, как верно указывает Л. П. Дронова, недостаточно при этом просто сравнить два разных периода развития языка, необходимо обязательно проводить этимологический анализ (речь идет не о корневой реконструкции, а о внутренней форме). «Переход от фактов современного состояния языка напрямую к праязыковым реконструкциям возможен в том случае, если последовательный исторический анализ уже сделан в других работах, другими лингвистами и на их выводы можно сослаться» [11, с. 27]. Однако этот анализ не должен быть самоцелью, а всего лишь этапом в изучении концепта: «до сих пор большинство исследователей явно или тайно основную задачу этимологии видят в поиске этимона. <...> Нужно думать, что подлинный историзм связан с **определением последовательности способов моделирования окружающего мира**, насколько это отражается в истории лексики и, как частный случай, при создании новых слов» [22, с. 51]. Учет же частотности номинативов позволит установить признаки концепта, наиболее актуализированные в определенный период времени, тем самым дав основания для выводов о направлениях его эволюции, а поиск причин трансформаций номинативной сферы даст возможность судить о мотивации в выборе номинативных средств.

В основу ономазиологического анализа в плане диахронии должен быть положен сравнительный анализ разных по времени языковых срезов. Сравнение структур ономазиологических классов и количественных показателей позволяет выявить внешние различия способов вербализации концепта. Например, для ОК предикатов «мышления» характерны такие ономазиологические трансформации, как историческое тождество (сохранение формулы): «знать» (рус. *знать*, др.-рус. *знати*, фр. *connaître*, лат. *cognoscere*), «иметь в мыслях» (рус. *думать*, др.-рус. *думати*, фр. *penser*, лат. *pensare*); утрата номинативом: «знать» (др.-рус. *увѣдати*, *вызнати*; лат. *scire*, *discere*, *nescire*); появление новых номинативов: «изучать» (рус. *систематизировать*, *игнорировать*, *концентрироваться*, фр. *analyser*, *ratiociner*, *s'abstraire*); нарушение исторического тождества (изменение формулы): выход за пределы группы (др.-рус. *вникати* «знать» – рус. *вникать* «понимать»; лат. *praemeditari* «иметь в мыслях» – фр. *préméditer* «иметь намерение»), выход за пределы ОК «мышления» (др.-рус. *умѣти*,

ошутуми «знать»), лат. *figurare, informare* «представлять»), переход в ОК «мышления» из других ОК («знать» рус. *вычитать, готовиться, докопаться*; фр. *posséder, bûcher*). При этом устанавливается, каким образом происходят изменения способов вербализации концепта (морфологическая и семантическая деривация, заимствование).

Изучение этимологии данных номинативных средств дает информацию о внутренней мотивации эволюции номинативных средств. Чаще всего здесь задействуются механизмы метафоризации и метонимизации, лежащие в основе так называемой «семантической деривации» – «отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории представляют собой одно и то же явление, которое мы будем называть семантической деривацией» [23, с. 14-15]. Примером такой семантической деривации может служить др.-рус. *блудити*, которое имело значение физического действия «1. Брести, не зная дороги; 2. Завести не в то место, куда нужно», а затем появляется переносное значение «ошибаться»: *Имена бо твоя [священника] многа и велика, по Господню словеси и свѣтхъ ~го: ...вожь слнхъ, наставникъ блудяцимъ* (Святительское поучение, 108, *forum.yurclub.ru*). Но в современном языке данная номинативная единица не входит в ОК «мышления». Вообще, представленная модель концептуализации «физическое действие – ментальный процесс» достаточно характерна для ОК «мышления». Так, лат. *tenere* тоже развивает значение «7. Сохранять в памяти» от значения физического действия «1. Держать», которое путем ассоциативного переноса переходит в ментальную сферу. Но в этом случае концептуальная модель оказалась устойчивее и соответственно фр. *retenir* сохранил и прямые, и переносные значения этимона: *Quae memoria tenere vellent effingenda animo atque in eis locis* (http://www.forumromanum.org/literature/cicero_oratore2.html). *C'est la principale information à retenir de la liste dévoilée par Laurent Blanc pour le match amical contre le Brésil* (Lefigaro.fr 03.02.2011).

Выводы. Диахронический подход к изучению языковых средств вербализации концептов требует не только сравнения ОК нескольких языковых состояний и выявления качественных и количественных изменений их состава, но предполагает проникновение в этимологию значений, анализ мотивации появления новых номинативных либо семантической трансформации уже имеющихся для установления моделей концептуализации действительности, лежащих в основе динамики номинативных единиц. Перспективой исследования является привлечение большого количества родственных и не родственных языков, что даст возможность говорить о существовании универсальных концептуальных моделей.

РЕЗЮМЕ

Пропонована стаття присвячена проблемі пошуку оптимальних методів ономазіологічного дослідження номінативних засобів мови в діахронічному вимірі. Проаналізовано роль семантичної деривації у концептуалізації дійсності.

Ключові слова: ономазіологія, діахронія, концепт, семантична деривація.

SUMMARY

The article deals with search problem of optimal method to do the onomasiological study of language naming units in diachrony. The role of semantic derivation in conceptualization is analyzed.

Key words: onomasiology, diachrony, concept, semantic derivation.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Теркулов, В. И. Антропоцентрическая парадигма: Что было? Что будет? [Текст] / В. И. Теркулов // Когниция. Коммуникация. Дискурс : [междунар. электр. сб.]. – Харьков, 2012. – № 5. – С. 74–84. – Режим доступа : archive.nbuv.gov.ua-e-journals/kkd/2012_5/2tvibcb.
2. Blank, A. Onomasiologie et étymologie cognitive : l'exemple de la tête / A. Blank, P. Koch // Atas do 1o Encontro de Linguística Cognitiva. – Porto, 1999. – С. 49–71.
3. Boysen, G. Le structuralisme immanent et la linguistique diachronique / G. Boysen // Langages. La glossématique. – P. 106–111. – № 6. – Режим доступа : http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/lgge_0458726x_1967_num_2_6_2541
4. Geeraerts, D. The scope of diachronic onomasiology / D. Geeraerts // Das Wort. Seine strukturelle und kulturelle Dimension. – Tübingen : Niemeyer, 2002. – Режим доступа: www.ling.arts.kuleuven.be/qlvl/PDFPublications/...
5. Которова, Е. Г. Переносные значения и динамика их развития в тексте [Текст] / Е. Г. Которова // Сопоставительное изучение семантической динамики. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – С. 133–139.
6. Коч, Н. В. Генезис восточнославянской концептосферы в языковом и культурном отражении [Текст] : монография / Н. В. Коч. – Николаев : Илион, 2010. – 440 с.
7. Никифорова, Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы [Текст] : Автореф. дисс. ... д. филол. н. / Е. Б. Никифорова. – Волгоград, 2008. – 48 с.
8. Коч, Н. Исследование концептов в диахронии как теоретическая и методическая проблема / Н. В. Коч // Наукові записки. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2010. – № 89 (1). – С. 316–320. – (Серія: Філологічні науки).
9. Дронова, Л. П. Синхрония и диахрония : отложенная встреча? [Текст] / Л. П. Дронова // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – № 3 (7). – С. 116–123.
10. Ивашина, Н. В. Славянские названия суток в свете когнитивной диахронической ономазиологии [Текст] / Н. В. Ивашина, Е. Руденко // Studia Slavica Savariensia, 2004. – С. 116–127. – Режим доступа: StudiaSlavicaSavariensia2004.pdf
11. Дронова, Л. П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку [Текст] / Л. П. Дронова // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2013. – № 2(22). – С. 22–39.
12. Богатырева, С. Н. Диахронический аспект концепта ТОЛЕРАНТНОСТЬ в разных лингвокультурах (на материале испанского и русского языков) [Текст] : автореф. дис. ... к. филол. наук : спец. 10.02.20 / С. Н. Богатырева. – Пятигорск, 2010. – 20 с.
13. Колесник, О. С. Концепт «ПОТОЙБИЧЧЯ» в англійській мовній картині світу : діахронічний аспект [Електронний ресурс] / О. С. Колесник. – Режим доступа : eprints.zu.edu.ua/2180/1/06kossda.pdf
14. Поліна, Г. В. Мовна об'єктивація концепту БОГ в англійському дискурсі хіч-хх століть [Текст] : Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Г. В. Поліна. – Харків, 2004. – 17 с.
15. Тищенко, И. Е. Концепт как диахронический феномен (на материале исследования концепта «смелость» во французском и русском языке) [Текст] : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Е. Тищенко. – Кемерово, 2008. – 20 с.
16. Ivashyna, N. Some tendencies for the development of Slavic lexicons from the standpoint of cognitive diachronic onomasiology / N. Ivashyna, A. Rudenka // SKASE Journal of Theoretical Linguistics [online], 2009. – Vol. 6, no. 2. – P. 53–69. – Режим доступа: http://www.skase.sk/Volumes/JTL14/pdf_doc/04.pdf. — Загол. с екрана.

17. Кошкина, Е. Г. К проблеме репрезентации в языке : вербализация концепта «пространство» в диахронии [Текст] / Е. Г. Кошкина // Язык и коммуникация в контексте культуры. – Рязань : Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2008. – С. 7–85.
18. Пак, Е. В. Етимология концепта «Гнев» в английском языке [Текст] / Е. В. Пак // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2009. – № 96. – С. 218.
19. Баруздина, С. А. Время как лингвокультурный концепт [Текст] / С. А. Баруздина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2007. – № 15. – С. 20–26.
20. Шевченко, І. С. Історичні лінгвістичні студії : когнітивний вектор [Текст] / І. С. Шевченко // Науковий вісник Волинського нац. ун-ту ім. Л. Українки. – Луцьк : Вежа, 2011. – С. 200–203.
21. Жаботинская, С. А. Ономаσιологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики [Текст] / С. А. Жаботинская // С любовью к языку : сб. науч. тр. – Москва-Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский ГУ, 2002. – С. 115–123.
22. Топоров, В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа [Текст] / В. Н. Топоров // Вопросы языкознания. — 1960. – № 3. – С. 44–60.
23. Зализняк, А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» [Текст] / А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.

Надійшла до редакції 17.10.2013 р.